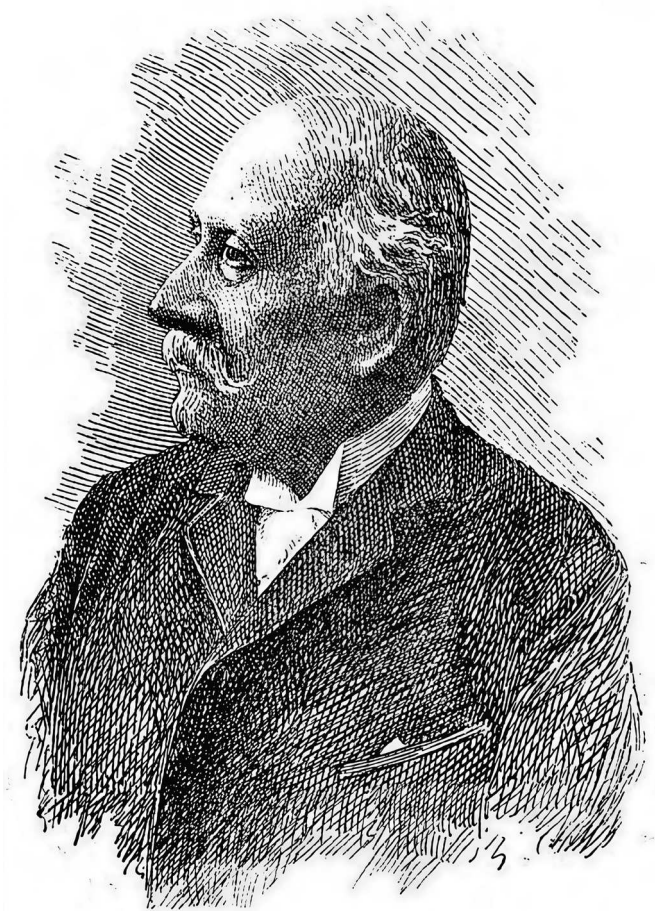

> МАГИСТРАЛЪ >

LUIGI CAPUANA

Луиджи Капуана

(1839–1915)

ЛУИДЖИ КАПУАНА

Итальянские
сказки

Москва

УДК 398.21(450)
ББК 82.3(4Ита)-6
К20

Перевод *Марии Андреевой*
под редакцией *Максима Горького*

Художественное оформление серии
Натальи Портяной

Капуана, Луиджи.
К20 Итальянские сказки / Луиджи Капуана ; [перевод
М. Андреевой под редакцией М. Горького]. — Мо-
сква : Эксмо, 2026. — 192 с. : ил.

ISBN 978-5-04-216008-0

Погрузитесь в сказочный мир солнечной Италии, где судьбы героев решаются не силой, а добротой сердца, смекалкой и верой в чудо. В этой книге собраны двенадцать сказок Луиджи Капуаны (1839–1915) — итальянского писателя, вдохнувшего новую жизнь в древние фольклорные сюжеты. Это мир, в котором проклятия превращают принцесс в невесомые перышки, королей — в оглушительный гром; где волшебная сковородка сама готовит обед, а простые люди вступают в схватку со страшными ведьмами, людоедами и коварными злодеями.

Текст дополняют черно-белые иллюстрации Константи-
на Спасского, Энрико Маццанти и Эудженио Чеккони.

УДК 398.21(450)
ББК 82.3(4Ита)-6

ISBN 978-5-04-216008-0

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ФЕЯ-ЦВЕТОК

Жили-были на свете две сестры. С самого раннего возраста остались они сиротами: старшая была хороша, как ясная звездочка, прямая, как стройная колонна, с чудесными густыми волосами, блестящими, как настоящее золото. А младшая сестра была так себе, ни дурна, ни хороша, худовата, маловата и чуть-чуть на одну ножку хроменькая. Старшая сестра так и звала ее — Хромуля.

Была у сестер старая бабушка, воспитавшая их у себя в доме, очень ей не нравилось это имечко, и часто она говорила старшей внучке:

— Что тебе бедняжка сделала? Разве ее вина, что она хромая? Зачем же напоминать ей всегда о ее недостатке!

— Так если правда, что она хромая! Ведь я этого не выдумала?

И еще злее смеялась при этом.

Хорошо было бы, если бы на том дело и кончилось: хроменькая не обращала внимания на сестрины насмешки, будто и не к ней они относились. Много хуже было, что сестра с нею очень плохо обращалась, приказывала ей, точно служанке:

— Хромуля — сделай это! Хромуля — сделай то!
Хромуля — сюда, Хромуля — туда...

Не давала бедняжке ни отдыха, ни срока, а сама сидит, сложа ручки, чтобы не испортить их грубой работой, и в зеркало смотрится или в окошко глядит. Частенько бабушка покрикивала на нее:

— Кого ты там из окошка высматриваешь?

— А королевича!

Говорила она это, конечно, шутя, но со временем привыкла и стала воображать, будто, проезжая по улице, королевич увидит ее, заметит ее красоту и сделает ее королевой. Действительно, когда, бывало, утром, отправляясь на охоту, королевич проезжал мимо их дома, она высовывалась из окна так, что ветер трепал ее чудные золотые волосы и развевал их плащом по воздуху, но королевич не обращал на девушку никакого внимания, спокойно проезжал себе мимо, не бросив в ее сторону даже взгляда.

Красавица, однако, не унывала:

— Ничего, посмотрит, может быть, завтра!
А стоит ему только взглянуть на меня, и я буду королевой...

Досаду же свою она вымещала на сестре. Дошло дело до того, что колотить бедняжку начала, если та не умела угодить ей; особенно доставалось сестре в те дни, когда красавица ждала проезда королевича и старалась причесаться, одеться и украсить как можно лучше.

Однажды поднялась она с постели что-то сильно не в духе и сердито приказала сестре:

— Эй, Хромуля, купи мне молока, да смотри, чтобы свежее было!

Вышла хроменькая на улицу, бредет, ковыляя, в лавку молочника; вдруг из-за угла улицы вылетела кавалькада: королевич со свитой. Хроменькая испугалась, заковыляла в сторону, оступилась и упала прямо под ноги лошади королевича. Закричала бедняжка со страха, а королевич едва-едва успел держать лошадь, чтобы не раздавить ее насмерть. Живо соскочил он с седла, помог ей встать, с беспокойством расспрашивал, не ушиблась ли она, и увидев, что девушка немного прихрамывает, подумал, что это от ушиба, предложил ей руку, проводил до лавки молочника и обратно до дому.

Увидела все это старшая сестра и поторопилась скорее по лестнице спуститься навстречу сестре, надеясь, что уж теперь-то королевич обратит на нее внимание! Она и речь приготовила, какой поблагодарит его за сестру, и кланяться приготовилась... Но, когда спустилась вниз, оказалось, что королевич успел уже вскочить на коня и скрыться за поворотом улицы.

Можете себе представить такое разочарование?

С этих пор словно злой бес вселился в красавицу: ничем ей нельзя было угодить, все было не по ней!

— Хромушка! Скверная Хромулька, Хромоногая...

Только такие названия и сыпались из ее уст. Наконец, младшая сестра даже расплакалась, а бабушка утешает ее:

— Ты надейся на Бога, деточка! Бог тебе поможет!

Бабушка была уже старенькая-старенькая. Пришла ей пора умирать, говорит она старшей внучке:

— Прошу тебя, не обижай ты свою сестренку! Теперь, когда меня не станет, не будь с нею злой, как прежде... Она такая добрая, ласковая, она не заслуживает, чтобы ты с нею дурно обращалась! И не называй ее больше хромулей...

— Так если правда, что она хромая. Ведь я этого не выдумала?

— Попомни мои слова: наступит день, когда тебе самой захочется быть на месте хромули!

Умерла старушка.

Остались сестры одни на белом свете, и старшая совсем госпожой держать себя стала: нарядится в шелковое платье, наденет бриллиантовые сережки, а хроменькая накинёт старенькое поношенное платьишко, темненькое, точно монашенка.

Надо сказать, что, если бы покойная бабушка советовала красавице стать еще злее прежнего, старшая сестра Хромули не могла бы выполнить завет старушки с большим усердием. Весь день она без усталости кричала:

— Эй! Хромуля! Хромушка! Скверная Хромулька...

Бедная девушка полагалась во всем на волю Божию, как ей бабушка советовала, но, уходя на ночь в жалкую свою комнатку, горько иногда всплакнет; бывало, молится, усталая, да приговаривает:

— Бабуся моя милая, вы теперь там, на небе, подумайте обо мне!

Однажды утром, спускаясь по лестнице, чтобы пойти купить молока, заметила девушка на ступеньках что-то, чего сразу рассмотреть не могла; нагнулась, подняла и видит — смятый красный цветок, кто-то наступил на него, должно быть, и растоптал его нежные лепестки, но от него несся такой чудесный запах! Почистила Хромуля цветок, нежно расправила помятые лепестки и приколола себе на грудь, а вернувшись домой, поставила его в вазочку со свежей водой, цветок-то и ожил, наполняя воздух благоуханием.

И когда в этот день сестра покрикивала на Хромулю да ругала ее, та, сама не зная почему, забежит в свою комнатку, посмотрит на цветок и на душе у нее становится легче.

Настала полночь. Лежит бедная хроменькая и горько плачет:

— Ах, бабуся моя милая! Подумайте обо мне!

Вдруг откуда-то послышался тоненький голосок, нежный-нежный:

— Я о тебе подумую! Я о тебе подумую!

Испугалась девушка, зажгла огонь. Никого в комнате нет и голоса больше не слышно.

«Должно быть, показалось», — подумала девушка, погасила огонь и заснула.

Так было несколько ночей подряд, девушка перестала бояться нежного голоска, раздававшегося всегда как бы издалека... Однажды она даже так расхрабрилась, что решилась спросить:

— Во имя Господа Бога — кто ты? Ты — моя бабушка?

Но ответа не получила.

Прошел целый месяц, а цветок оставался все таким же свежим, казалось, что он только что был сорван; правда, девушка по два раза в день меняла ему свежую воду. Удивлялась Хромуля, не зная что и думать, наконец, стала догадываться, что цветок-то, пожалуй, волшебный, уж не он ли и по ночам с нею разговаривает?

Взяла, да на следующую ночь и спросила, обращаясь прямо к цветку:

— Во имя Господа Бога — кто ты?

Но ответа опять не получила.

Проснулась на следующее утро, хочет ощупью платье свое найти и чувствует, что под рукой у нее совсем не та материя, к которой она привыкла. Подбежала к окошку, открыла ставень и что же видит? На стуле, в ногах ее постели новое платье, да такое богатое, такое красивое, что она только глаза открыла от удивления и восторга, не смея до него дотронуться.

Надела она на плечи старенькое какое-то платьишко, с обтрепанными рукавами, которое уже было и носить перестала, а это, новое, спрятала в шкаф, побоявшись сестры.

На следующее утро просыпается, снова хочет ощупью одеться и опять чувствует под руками, что на стуле лежит не ее вчерашнее платьишко. Под-

бежала к окошку, распахнула ставень, а перед нею лежит платье вдвое лучше прежнего, совсем королевский наряд!

Порылась во всех ящиках, нашла завалившее какое-то старое тряпье, надела его, а новое, богатое платье в шкаф повесила, побоявшись старшей сестры.

Увидела сестра, какое на ней грязное да рваное платьишко надето, и давай кричать да браниться:

— Ах ты грязная Хромулька! Где же твое обычное платье?

— Я его в стирку отдала...

Поверила сестра и уселась по обыкновению под окошком. С некоторого времени она стала замечать — проезжая мимо их дома, королевич всегда поднимает глаза, смотрит на окна и как будто ищет кого-то. Посмотрит, посмотрит и отвернется, недовольный.

— Может быть, он только притворяется, будто не смотрит на меня? — думала старшая сестра. — Может быть, он боится отца своего, короля?

И становилась еще заносчивее.

Как-то раз королевич снова проезжал мимо дома, в котором жили сестры, поднял глаза кверху, посмотрел на окна и отвернулся, недовольный; в этот день старшая сестра так скверно обращалась с хроменькой, что бедняжка не выдержала и закричала со слезами:

— Бабуся моя милая, должно быть, вы меня забыли!

Разозлилась на нее сестра, накинулась с кулаками:

— Я тебе покажу бабушку! Я тебе задам!

И так бедную девушку отколотила, что у нее по всему телу синяки выступили.

Плачет ночью хроменькая, причитает:

— Бабуся моя милая, вспомните обо мне...

— Я о тебе подумаю! Я о тебе помню! — твердит голосок.

Проснулась на другое утро хроменькая, хочет одеться и снова чувствует, что у нее на стуле лежит не то платье, которое она с вечера положила. Подбежала к окошку, открыла ставень, а перед нею лежит такое великолепное, вышитое золотом, жемчугом и драгоценными камнями платье, какое не у всякой королевы найдется.

На этот раз нечего было даже рыться по сундукам — девушка прекрасно знала, что больше старого платья у нее не было.

«Как быть, чтобы сестра не рассердилась?»

Надеть какое-нибудь из новых платьев девушка не решалась, а сестра за стеной кричит, сердится...

— Хромушка... Эй ты, противная Хромуля, чертова Хромоножка, разве ты не слышишь, как я тебя зову?

Кричала-кричала, да и ворвалась, взбешенная, к сестре в комнату; увидела на стуле около кровати великолепное платье и остолбенела.

— Это что такое? Чье это платье? — спрашивает.

— Не знаю.

— Кто тебе его дал?

— Не знаю.

— А ты почему в нижней юбке стоишь?

— Да мне надеть нечего: у меня все мои платья унесли!

— Ах ты, Хромулька несчастная, не удастся тебе меня провести!

И так принялась за бедняжку, что та, испугавшись, все ей рассказала — и про цветок, и про голос, который она по ночам слышит, и о других двух платьях, которые она у себя в комнате на стуле нашла, открыла шкаф и показала их сестре.

Та верить ничему не хотела, говорит ей:

— Ну, нет, не удастся тебе меня провести, Хромулька!

Взяла у сестры вазочку с цветком, платье и унесла к себе в комнату, а хроменькой пришлось надеть старое сестрино платье, которое было так ей велико, что она в нем совсем пропадала и казалась еще неуклюжее.

— Теперь я попробую! — сказала себе старшая сестра.

Наступила ночь, погасила она огонь и принялась бормотать:

— Бабуся моя милая, подумайте обо мне!

— Я о тебе подумаю. Я о тебе подумаю, — раздался голос.

— Значить, Хромуля-то не солгала? — удивилась старшая сестра.

На следующее утро проснулась красавица, ощупывает платье, чувствует, что материя у нее под руками не та. Подбежала к окошку, отворила ставни, смотрит... на стуле, в ногах ее кровати, лежит старое рваное платьишко, замасленное и затасканное, словно кухонная тряпка. А в шкафу, в который она повесила роскошные платья, одного не хватает, и как раз самого великолепного!

— Ах ты, чертова хромоножка! — кричит. — Это ты у меня платье украла?

И ну сестру колотить.

Все-таки захотелось ей еще раз попробовать, что будет, и как только настала ночь, она улеглась в постель и снова бормочет:

— Бабуся моя милая, подумайте обо мне!

— Я о тебе подумаю. Я о тебе подумаю, — отвечает голос.

Едва-едва дождалась старшая сестра, чтобы наступило утро, смотрит, а дело еще хуже вчерашнего: лежит перед нею на стуле платье из перегнившей бересты. А из шкафа еще одно платье пропало!